

Перспектива дальнейшего развития проблемы состоит в анализе современных политических, социальных и экономических реформ на постсоветском пространстве и прогнозе их тактических и стратегических последствий на основе современной научной методологии.

Источники и литература:

1. Бердяев Н. Судьба России / Н. Бердяев. – М., 1918.
2. Кара-Мурза С. Советская цивилизация : в 2-х кн. / С. Кара-Мурза. – М., 2002. – Кн. 1.
3. Коноваленко М. Ю. Теория коммуникации / М. Ю. Коноваленко, В. А. Коноваленко. – М., 2012.
4. Островский И. В. П. А. Столыпин и его время / И. В. Островский. – Новосибирск, 1992.
5. Попов В. Д. Социальный психоанализ в России: проблемы и перспективы / В. Д. Попов. – М., 1997.
6. Федотов Г. П. Судьба и грехи России : в 2-х т. / Г. П. Федотов. – СПб., 1991. – Т. 1.
7. Энгельгард А. Н. Из деревни. 12 писем. 1872 – 1887 / А. Н. Энгельгард. – СПб., 1987.

Маруцкий Э.С., Фролкин П.П. НАЦИОНАЛЬНЫЙ ФАКТОР ИЗМЕНЕНИЯ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ В САРАТОВСКОЙ ГУБЕРНИИ В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД

УДК 336.71

Ведущим процессом в социальных отношениях пореформенной России было развитие капитализма. В первые пореформенные десятилетия происходила ломка феодальных отношений в сельском хозяйстве и складывались характерные для капитализма социальные слои населения – пролетариат и буржуазия. Буржуазные отношения развивались в условиях сохранения сословного строя. Основную массу населения Саратовской губернии (2 144 918 чел.), как и всей России, составляли крестьяне. Причем, их удельный вес (89 %) превосходил средние показатели и в Европейской России (84 %), и в Поволжье (86 %). Значительно меньшую сословную группу составляли мещане (208 744 чел.) [8;с.224]. Удельный вес мещан (8,7 %) и в целом городских сословий здесь был ниже, чем среднероссийский (10,7 %), но превосходил аналогичные показатели в поволжских губерниях (6,2 %)[8;с.225]. Данное обстоятельство связано с активным экономическим развитием городов губернии, обусловившим рост их населения. Представители всех остальных сословий составляли немногим более 2%. Для губернии, как и для Поволжья в целом, была характерна малочисленность дворянского сословия.

Наш анализ позволил выявить специфику сословной структуры отдельных народов губернии. Однородной – крестьянской – она была у чувашей, башкир и мордвы. Состав великорусского, малороссийского, белорусского, немецкого и татарского населения при доминирующей численности крестьян был достаточно разнообразным, так как включал представителей всех существовавших в России сословий. Однако у малороссов некрестьянские сословные группы были малочисленны. Среди них выделялись лишь мещане Саратова, Царицына и Камышина, но и они составляли только 1,45 % этноса. Среди нерусского населения губернии наибольшей численностью мещан выделялись татары (5 %). Они проживали в городах Саратов, Царицын, Вольск, Хвалынский и Кузнецк. Среди татар была также довольно значительная прослойка дворян – потомков татарской знати, получившей после включения в состав Русского государства права российского дворянства и значительные земельные участки[8;с.225].

Немецкое население Поволжья первоначально состояло исключительно из крестьян и ремесленников. Данное обстоятельство было обусловлено тем, что по российскому законодательству колонистами признавались лишь те иностранцы, которые занимались земледелием, а также ремесленники, «в земельном состоянии нужные»: портные, сапожники, кузнецы. В последующем социальная структура немцев расширилась, преимущественно за счет городских сословий. Но основную их массу (более 98 %, или 163 661 чел.) по-прежнему составляли крестьяне.

Сословный состав великорусов, вследствие их численного преобладания, наиболее соответствовал среднегубернским показателям. В то же время существенное преобладание их среди духовенства (98,5 %), войскового казачества (99,5), мещанства (94), купечества (89,7) и дворянства (90) было значительно меньшим в крестьянском населении (74,7 %). Среди белорусов при доминировании крестьян (71 %) выделялись значительные группы мещан (21), дворян и чиновников (4,6) [8;с.226].

В свою очередь, специфика социального состава польского, еврейского и цыганского населения заключалась в преобладании некрестьянских сословий. В сословном составе пореформенной России выделялась отдельная группа инородцев, которую в Саратовской губернии составляли калмыки.

Деление общества по сословному признаку не в полной мере отражало социальный состав населения страны и губернии, так как не учитывало новые социальные группы: деревенскую и городскую буржуазию, батраков, рабочих, интеллигенцию. В то же время капиталистический уклад проникал в среду большинства народов губернии и способствовал складыванию национальных предпринимательских слоев, интеллигенции, потомственных рабочих. Отметим лишь, что среди учителей, врачей, ученых, писателей, наряду с великорусами, было немало немцев, малороссов, поляков и евреев. Активно шел процесс формирования татарской интеллигенции. А наибольший удельный вес представителей «либеральных профессий» в конце XIX в. наблюдался среди польского населения[8;с.154-159]. Владельцами наиболее крупных заводов и фабрик в губернии были русские (братья М. и П. Гудковы, А.В. Чирихина, В.В. Богуславский) и немецкие предприниматели (братья Шмидт, К. Рейнеке, А.К. Штаф, О.Э. Беринг).

Если в среднем по губернии сельское население составляло немногим более 87 %, а городское – около 13 %, то у отдельных этносов эти показатели существенно различались. В этот период Саратовская губерния сохранила статус аграрного региона, и хотя процессы урбанизации затронули большинство ее этносов, сельское население значительно превышало городское, а отдельные народы имели традиции сельского расселения. Следовательно, одним из важнейших условий успешной хозяйственной деятельности населения являлось достаточное обеспечение его землей.

Земельный фонд губернии распределялся на три основные категории: в 1887 г. (37%) составляли частновладельческую землю, (51,3 %) – крестьянскую наделную и остальные земли правительственную, различных учреждений и церкви [11;с.34-35]. В пореформенный период здесь окончательно сложился земельный товарный рынок, причем, наблюдался рост товарного оборота земли. Наибольшее ее количество было продано в 1893 – 1902 гг. [4;с.30]. Если в 1860 – первой половине 1880 г.г. землю покупали в основном дворяне и купцы, то в 1884 – 1905 г.г. в качестве покупателей преобладали крестьяне.

Основная доля частновладельческой земли в губернии на 1887 г. находилась в руках поместного дворянства (70,7 %). Остальные приобретенные путем покупки в частную собственность земли принадлежали купцам (7,7 %), крестьянам (8,9 %), мещанам (2,1 %) и прочим (0,6 %) [11;с.37-38].

Почти 90 % дворян в губернии были великорусами, и, следовательно, они являлись здесь основными землевладельцами. Данное положение подтверждает и территориальное расположение дворянского землевладения в уездах с наибольшим преобладанием великорусского населения. Так, земли дворян были сосредоточены в северных и центральных уездах: Балашовском, Аткарском; Сердобском; Петровском, Саратовском, Вольском. [4;с.50].

С 1880-х г.г. в Саратовской губернии, как и в целом по России, дворянское землевладение интенсивно сокращалось, главным образом за счет перехода в руки других сословий. Так, если в 1863 – 1897 г.г. частные земли дворян здесь уменьшились на 873,7 тыс. дес., то крестьян – наоборот, увеличились на 322,4 тыс. дес. [11;с.45]. В 1905 г. дворянам принадлежали лишь 1 311 тыс. дес. земли, что составляло уже менее половины частновладельческой земли в губернии. Несмотря на это, позиции дворянского землевладения и в начале XX в. оставались достаточно прочными. В руках дворян находились лучшие пахотные земли. Наибольшим плодородием отличались Сердобский, северная часть Балашовского, большая часть Аткарского, Петровского и Саратовского уездов. К тому же данные территории находились вблизи линии Тамбово-Саратовской железной дороги, что повышало экономическую ценность земель. Помимо этого, в состав частновладельческих, преимущественно дворянских земель входили высокодоходные угодья (леса, сенокосы) [11;с.40-41].

В отличие от дворянского, размеры крестьянского частного землевладения в губернии увеличивались [1;с.58]. Причем, если в первые пореформенные десятилетия земля приобреталась преимущественно отдельными домохозяевами для восполнения недостаточных наделов, то впоследствии стали преобладать покупки крупных участков земли разбогатевшими крестьянами для ведения предпринимательского хозяйства.

Следовательно, в первые пореформенные десятилетия в губернии, как и прежде, доминировало землевладение дворян, преимущественно великорусов. В последующем нарастала тенденция превращения частного землевладения в бессословное, способствовавшая созданию буржуазной земельной собственности, что выразилось в приобретении земли различными социальными и этническими группами.

Крестьянские наделные земли составляли более половины земельного фонда губернии. Крестьяне всех национальностей в рассматриваемый период имели общинную форму землепользования. [11;с.42-43]. Община была важным институтом, где сохранялись и культивировались некоторые этносоциальные особенности народов, регламентировались на базе обычного права различные стороны экономической, общественной и культурно-бытовой жизни крестьянства.

Особенностью пореформенного развития российской деревни являлось сохранение различий между бывшими помещичьими, государственными и удельными крестьянами, что выражалось в неравном наделении землей и распределении налогов. Причем, в отношении Саратовской губернии нами выявлено совпадение этнической принадлежности с определенным разрядом крестьян. Так, великорусы являлись преимущественно помещичьими крестьянами. Некоторые малороссы, переселенные в саратовские вотчины помещиками, также до 1861 г. были крепостными. Помещичьи крестьяне из мордвы составляли менее 10 %, и лишь немногие чуваша в прошлом испытали «все тяготы крепостного права» [6;с.63]. Татары были поселены в губернии преимущественно на казенных землях и включены в разряд государственных крестьян. К этой же категории в 1828 г. были причислены и малороссийские чумаки. Группы бывших государственных и удельных крестьян формировали также великорусы, мордва, чуваша и другие народы.

Специфичным было правовое положение немцев. Поселившись в России, они составили отдельный разряд сельских сословий – «колонисты» – с определенным набором прав и привилегий.

По манифесту Екатерины II от 22 июля 1763 г. им выделялись большие земельные наделы (по 30 дес. на семью), предоставлялись налоговые льготы (свобода от податей, обычных и чрезвычайных служб – в колониях на 30 лет, а в губернских и уездных городах – на 10 лет), денежные беспроцентные ссуды с выплатой в течение 10 лет. Помимо этого, колонисты освобождались от военной и гражданской повинностей, кроме земской, которую обязывались исполнять после 30 льготных лет. Немецким переселенцам разрешалось заводить фабрики и заводы, покупать крепостных крестьян. Первоначально колонисты имели собственную внутреннюю юрисдикцию и находились под руководством Саратовской конторы иностранных поселенцев, подчиненной МВД. С 70-х гг. XIX в. правовое положение немцев ухудшилось. В 1871 г. были отменены данные при поселении привилегий, колонисты были уравнианы в

правах с русскими крестьянами и стали именоваться «поселяне-собственники». В 1874 г. на них была распространена воинская повинность, а в 1877 г. – изменена структура управления колониями, которые были переведены в ведение общих губернских учреждений.

Размеры наделов и налогообложения отдельных категорий крестьянства позволяют выявить различия в уровне материального положения основных этносов губернии. Изученные по данному вопросу статистические показатели отличаются, но разница в количественных значениях незначительна: в целом по губернии число крестьян бывших государственных, удельных и колонистов превосходило численность бывших помещичьих. В то же время нами установлено, что по уездам соотношение данных категорий существенно различалось. В Вольском, Петровском и Кузнецком уездах оно было примерно равным, при незначительном преобладании (на 2-4 %) бывших государственных и удельных крестьян. В Балашовском, Саратовском и Аткарском уездах, наоборот, преобладали бывшие помещичьи крестьяне. Наибольший удельный вес последних наблюдался в Сердобском уезде, населенном великорусами. Одновременно в Хвалынском уезде со значительным татарским, мордовским и чувашским населением существенно преобладали категории бывших государственных и удельных крестьян (68 %). Население Царицынского и Камышинского уездов на 84 и 86 % соответственно состояло из бывших государственных крестьян и колонистов[7;Л10].

Подсчеты свидетельствуют, что лучше всего были обеспечены землей бывшие колонисты. Выше среднегубернского показателя были размеры наделов в бывшей государственной и удельной деревне. К тому же данные категории крестьян подлежали меньшему размеру налогообложения: 71 % бывших государственных крестьян и 79 % колонистов платили по 1-2 руб. с дес. земли; 94 % бывших удельных – по 1-3 руб. Наименее обеспечены землей были бывшие помещичьи крестьяне. Причем, более одной трети их в Саратовской губернии приняли дарственный надел (1,1 дес.) и превратились почти в безземельное сельское население. Именно бывшие помещичьи крестьяне, перешедшие на дар, подлежали высшему размеру обложения (65 % из них платили 3-5 руб. с дес., 22 % – более 5 руб. и лишь 13 % – менее 3 руб.) и крестьяне, перешедшие на выкуп (80 % из них платили 2-4 руб. с дес.; 17,5 % – более 4 руб. и 2,5 % – менее 2 руб.) [7;Л47].

Выявленные в ходе исследования материалы земской статистики позволили определить размеры наделной и собственной земли у народов губернии в 1880 гг. Анализ данных показал, что самыми большими они были у калмыков (26,1 дес.). Однако это были преимущественно глинистые почвы с примесью солонцов, используемые под пастбища. Следует отметить неплохое обеспечение плодородной землей латышского крестьянства. Наибольшими среди основных этносов губернии были наделы у немцев: в Камышинском уезде – в среднем по 8,2 дес[9;с.116].

В свою очередь у чувашей (в среднем – по 6,45 дес.), мордвы (6,1) и особенно татар (7,1) земельные наделы были больше, чем у великорусов (5,3) и малороссов (4,6). Однако, если чувашаи вообще не имели собственной земли, у татар ее было очень мало, у мордвы, за некоторым исключением, она служила для восполнения недостаточных наделов, то среди великорусов и малороссов покупка земли была достаточно распространена, причем, как небольших участков, так и значительных площадей для организации предпринимательского хозяйства. В отличие от других этносов, у великорусов и малороссов наблюдались значительные колебания размеров наделной земли по уездам: от 1,1 дес. в Саратовском до 7,1 дес. в Аткарском – у малороссов и от 3,1 дес. в Кузнецком до 10 дес. в Царицынском – у великорусов.

Следовательно, существовала неравномерность землеобеспечения не только между отдельными этносами, что было обусловлено их принадлежностью к различным категориям крестьянства и выражалось в разнице наделной земли, но и внутри этносов, среди представителей одних и тех же народов, о чем свидетельствуют размеры собственной земли.

Достаточное обеспечение землей было важнейшим, но не единственным условием успешной хозяйственной деятельности и материального благополучия народов. К примеру, крестьяне-великорусы с. Топовки Камышинского уезда, имея по 5,5 дес. земли на рабочего, или по 10 дес. на двор, собрали в 1896 г. в среднем по 35 пудов пшеницы с десятины. У бывших государственных крестьян с. Гуселки этого же уезда надел составлял 11,9 и 17,6 дес. соответственно, а урожай – лишь 22 пуда[10;Л35,Л74]. Данное обстоятельство следует объяснить несколько отличавшимся качеством земли, наличием побочных заработков. В Сновке, являвшейся хлебной и лесной пристанью, большая часть населения выполняла различные работы на пристани, занималась извозом, изготовлением сарпинки, уходила на заработки в Саратов и на Кавказ. Большое значение имели и сложившиеся традиции хозяйствования. Последнее особенно характерно для татарского населения. Несмотря на неплохую землеобеспеченность и плодородие почв, татары губернии, по выявленным автором сведениям, являлись «плохими земледельцами. Лишь половина домохозяев обрабатывала свои наделы полностью, одна треть – лишь их половину и одна шестая часть татар данных уездов не занималась хлебопашеством» [2;Л7].

Надельное землевладение крестьян Саратовской губернии, урезанное на 42,7 % по реформе 1861 г. преимущественно вследствие массового перехода крестьян на дарственный надел, в пореформенный период еще более сократилось в результате естественного прироста населения деревни при сохранении в прежнем размере надельного фонда, что выразилось в измельчании крестьянских наделов[5;с.176]. Если в 1861 г. крестьяне имели в среднем по 5,2 дес. на душу, то в 1901 г. – только по 3,6 дес[11;с.44]. В среднем по Европейской России размер крестьянского надела уменьшился с 4,8 дес. в 1860 г. до 2,6 дес. в 1900 году[4;с.44]. Недостаток земельных наделов крестьяне пытались восполнить путем покупки и аренды земли

у казны и частных лиц. Однако размеры купленной земли лишь в частных случаях служили существенным дополнением к наделу и не могли изменить экономического положения всего крестьянского населения. В то же время аренда внутринаделных и вненаделных земель являлась одним из важнейших факторов социально-экономического развития пореформенной деревни. Из всей арендованной в 1884 г. в Саратовском уезде земли крестьяне арендовали 76 %; в Царицынском – 67 % [3; с.300].

Однако минимальный размер «устойчивого» крестьянского хозяйства в Поволжье, по подсчетам А.Н. Челинцева, должен был включать пашни на севере 6 дес., на основной территории – 12-15 дес., на засушливом юге – до 20 дес. Меньшее хозяйство было нерентабельным. Распашка лугов и вырубка лесов не покрывали «земельный голод» саратовской деревни. В губернии, как и в целом по России, создалось «аграрное перенаселение», которое не могли смягчить ни возраставший уход крестьян в города, ни переселения на окраины империи, ни выезд за границу.

Источники и литература:

1. Березов Ф. А. Из быта крестьян Саратовской губернии / Ф. А. Березов // Русское богатство. – СПб., 1908. – № 8.
2. РГИА. – Ф. 573. – Оп. 8. – Д. 9598. – Дело о мерах к пополнению недоимок по всем вообще сборам татарского населения Хвалынского и Кузнецкого уездов Саратовской губернии. 1869-1888 гг.
3. Зайончковский П. А. Проведение в жизнь крестьянской реформы 1861 г. / П. А. Зайончковский. – М., 1958.
4. Кабытов П. С. Аграрные отношения в Поволжье в период империализма (1900-1917 гг.) / П. С. Кабытов; науч. ред. Е. И. Медведев. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1982.
5. Материалы по крепостному праву. Саратовская губерния / Саратовская ученая архивная комиссия. – Саратов, 1911.
6. Народы Поволжья и Приуралья. – М., 2000. – С. 343; Королев С. А. Указ. соч.
7. РГИА. – Ф. 573. – Оп. 3. – Д. 4836. – По отношению Сенатора Шамшина, ревизовавшего Саратовскую и Самарскую губернии. 1882-1884 гг.
8. Первая всеобщая перепись населения Российской империи. – СПб., 1904.
9. Сборник статистических сведений по Саратовской губернии. – Саратов : Тип. Губ. Земства, 1891. – Т. XI : Камышинский уезд.
10. ГАВО. – Ф. 292. – Оп. 1. – Д. 51. – Своды статистических данных, собранных податным инспектором по обществам волостей Камышинского уезда за 1896 г., и приложения к ним.
11. Статистический справочник. – СПб., 1906. – Вып. 1: Население и землевладение России ...

Опанасюк В.В.

УДК 342.8

ПОЛИТИЧЕСКОЕ РЕФОРМИРОВАНИЕ ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ УКРАИНЫ

Постановка проблемы. Становление демократии в Украине с начала 90-х гг. XX в. осуществлялось на обломках авторитарного политического режима. Имея мощное наследие авторитаризма, государству все же удалось в 2005 г. получить статус демократического. Однако достаточный уровень демократии был утерян после смены господствующей политической силы на очередных президентских и парламентских выборах. Вслед за этим активизировалась тенденция к возврату авторитарных методов правления и ручного управления экономикой. Научная проблема состоит в том, чтобы определить возможности сохранения механизмов демократического волеизъявления граждан в связи с текущим реформированием избирательной системы Украины.

Анализ основных исследований и публикаций. Исследование опирается на работы авторитетных теоретиков избирательных систем М. Дюверже [2] и Дж. Сартори [4]. Западным ученым удалось проанализировать партийные системы во взаимосвязи с избирательными, сформулировать правила и законы последних, продолжив тем самым дискуссию относительно их достоверности и универсальности.

Исследовательскую ценность имеет мнение Главы Верховного Совета Украины В. Литвина относительно оценки перспектив развития гражданского общества в Украине во время грядущих парламентских выборов 2012 года [1], а также аналитические оценки нового избирательного законодательства Украины, которые даны директором правовых программ Лаборатории законодательных инициатив при Киево-Могилянской академии Д. Ковриженко [3].

Вместе с тем вне поля внимания политологов, а частично и экспертов остались вопросы целесообразности проведения избирательной реформы, демократичности осуществляемых изменений, эффективности преобразований и их поддержки гражданами Украины.

Целью исследования является прогнозирование результатов текущего реформирования избирательной системы Украины. Реализация поставленной цели предполагает решение следующих **задач**: выявления существенных различий в понимании необходимости реформирования правящими и оппозиционными партиями, определения уровня поддержки идеи реформирования политическим классом и обществом, установления основных параметров реформационного процесса в Украине.

Изложение основного материала. Особенностью любого трансформирующегося общества является борьба разнонаправленных тенденций его изменения. Пока трансформационный процесс не закончен,